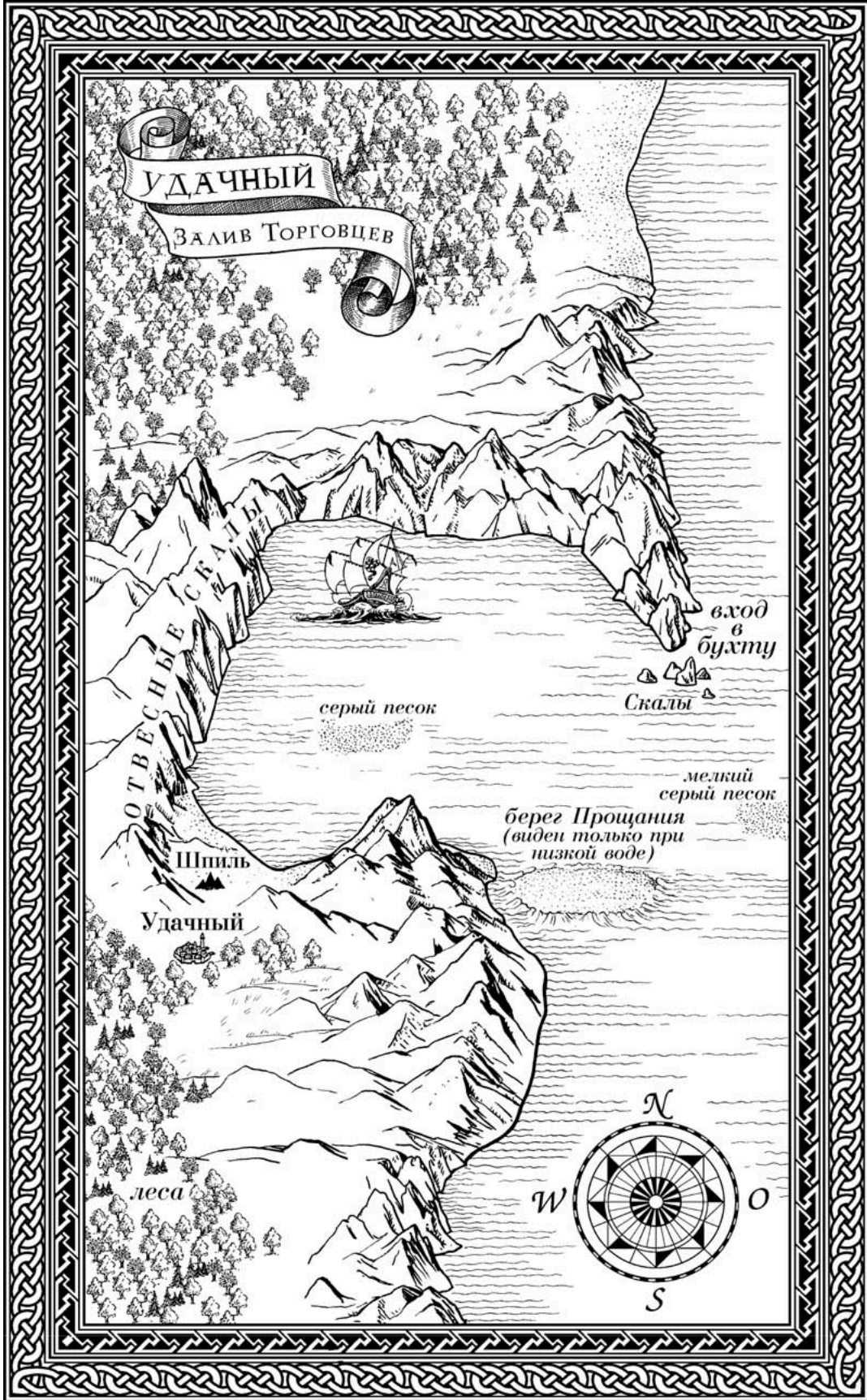

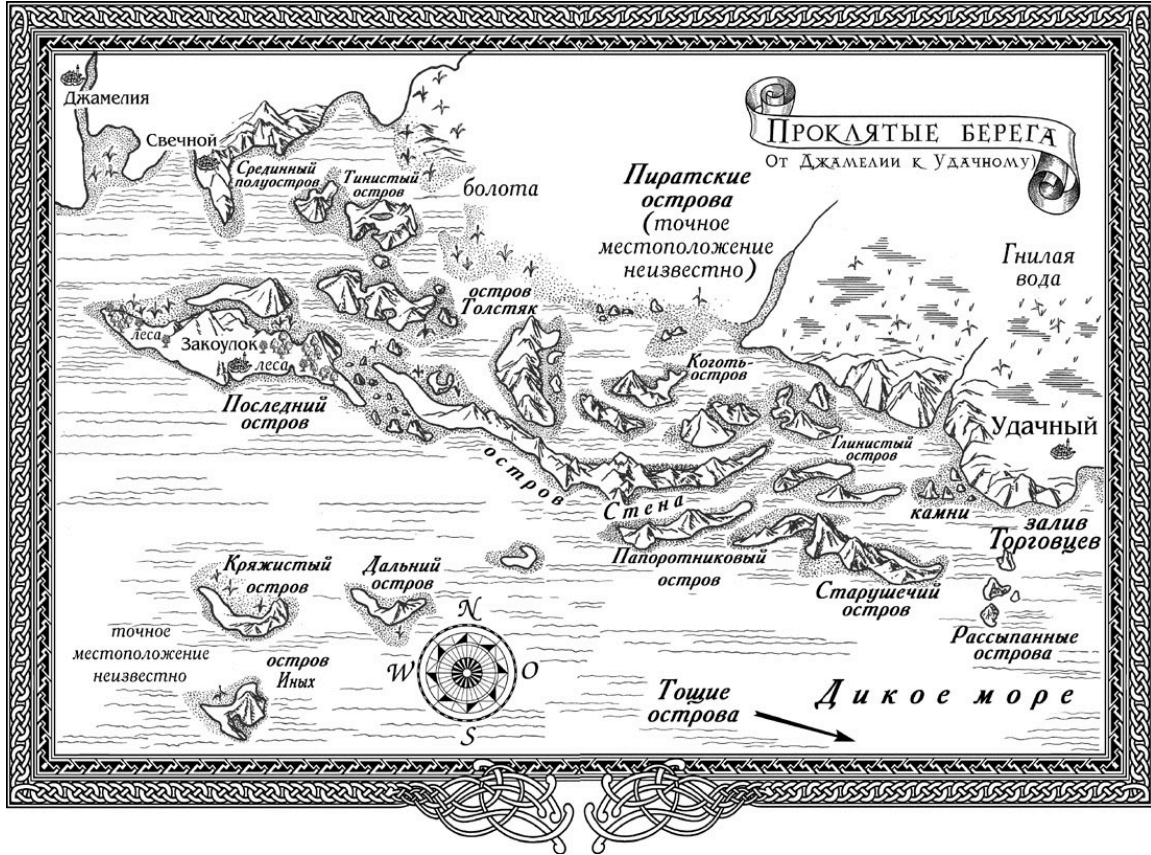
Благодарности

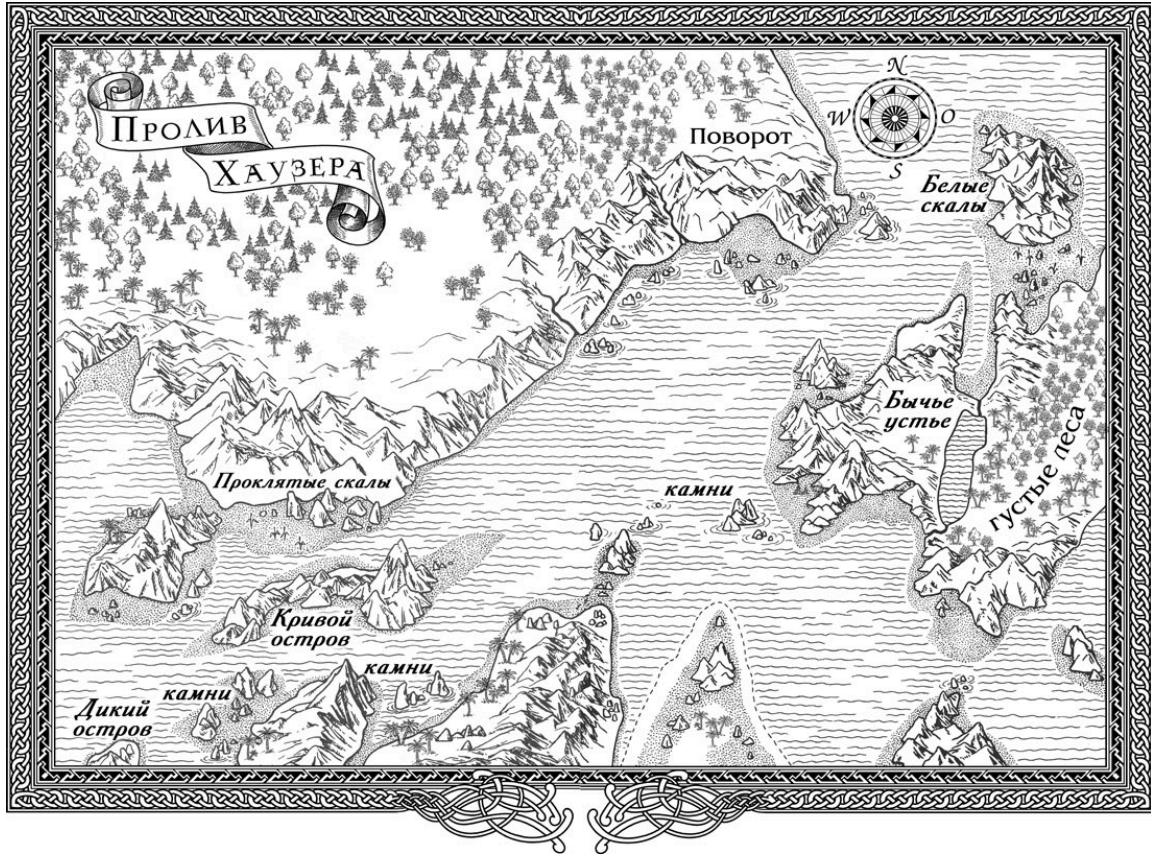
Автор желал бы поблагодарить Гейл Циммерман из компании «Software Alternatives», Такома, Вашингтон, за предоставление милосердно своевременной помощи по искоренению компьютерного вируса, едва не сожравшего эту книгу.

Пролог

Путаница в Клубке

Моолкин взвился со своей лежки таким стремительным и резким рывком, что на некоторое время все вокруг густо заволокла поднявшаяся муть. Лохмотья сброшенной кожи, придонный ил и частицы песка витали в беспорядке, словно обрывки сновидений, не успевших рассеяться при пробуждении. Длинное, вьющееся кольцами тело лениво сплеталось и расплеталось, избавляясь от последних клочков сброшенной кожи. Когда взбаламученный ил начал снова укладываться, Моолкин обвел взглядом две дюжины своих сородичей – гигантских змей, наслаждавшихся, как и он, благословенной шершавостью своего подводного лежбища. Вожак тряхнул громадной гривастой головой, потом могуче вытянулся всем телом.

– Время! – грозно и хрипло прогудел его голос. – Время пришло!

Сородичи, распростертые на морском дне, подняли на него глаза. Немигающие, цвета меди, золота и изумрудов. Шривер высказалась за всех.

– Почему? – спросила она. – Вода здесь теплая, пищи в достатке. И зимы за последние сто лет не бывало ни разу. Зачем уходить, да еще прямо сейчас?

Моолкин лениво двинулся, и его тело легло новым узором. Обновленная чешуя засверкала в голубоватом свете, сочившемся сквозь толщу воды. Линька придала новый блеск золотым пятнам ложных глаз, разбросанным по всей длине его тела; этот узор говорил о его причастности Древлезнанию: Моолкин помнил многое из происходившего буквально до начала времен. Правду сказать, его воспоминания не всегда были последовательными и отчетливыми. Как многие узники безвременья, помнящие обе свои жизни, он не всегда мог четко разделить, где что. Оттого он тряс своей гривой, пока парализующий яд, излившийся в воду, не образовал бледного облака вокруг его головы. В знак обета правдивости Моолкин вдохнул собственный яд и выпустил его через жабры.

– Потому, – с усилием выговорил он, – что время воистину пришло!

И внезапно ринулся прочь, взвиваясь к самой поверхности, стремительно вверх, обгоняя поднимавшиеся пузыри. Там, высоко наверху, он пробил колеблемый волнами Свод и какие-то мгновения летел в прыжке сквозь Пустоплёт. Упав в воду, он стал стремительно погружаться, скоро приблизился к своему племени и стал безмолвно носиться вокруг лежбища: владевшее им возбуждение было столь велико, что он не мог говорить.

– А ведь некоторые другие Клубки и правда уже снялись с места, – проговорила Шривер задумчиво. – Не все, конечно. Даже не большинство. Но когда мы поднимаемся к Пустоплёсу для песни, уже заметно, что кое-кого из нас недостает. Может, и в самом деле время пришло?

Сессурия лишь завозился, закапываясь глубже в уютный ил.

– А может, и не пришло, – проворчал он. – Полагаю, нам следует выждать. Пусть сперва тронется в путь Клубок, которым предводительствует Обрин. Обрин... понадежней, что ли, нашего Моолкина.

Шривер, лежавшая подле него, гибким движением покинула лежку. Ярко-алое сияние ее новой чешуи изумляло и восхищало. Она подхватила ртом изрядный кусок потемневшей старой кожи и быстро проглотила его, прежде чем заговорить.

– Ну и присоединяйся к тому Клубку, если тебе так уж нравится Обрин, а слова Моолкина не внушают доверия. Что касается меня – я последую за ним на север. Если уж уходить – то лучше пораньше, а не тогда, когда станет слишком поздно! Не тогда, когда примчатся десятки других Клубков и придется соперничать с ними из-за пищи! – Через мгновение она свилась в узел, сбрасывая последние лоскутья отмершей кожи. Встряхнула гривой и откинула голову. Ее пронзительный клич взволновал успокоившуюся было воду: – Я с тобой, Моолкин! Я следую за тобой!

И она взвилась со дна, чтобы присоединиться к вожаку, по-прежнему вытанцовывавшему высоко над ними сложное кружево.

Одна за другой громадные змеи высвобождались из объятий придонного ила, сбрасывали последние обрывки старых кож. Все, и даже ворчливый Сессурия, поднялись из глубин, чтобы закружиться в

теплой воде под самым Куполом, отделявшим Доброловище от Пустоплеса. Они танцевали, сплетаясь и расплетаясь. Они решили уходить на север. На свою древнюю родину, в те воды, откуда явились когда-то давно.

Так давно, что об этом почти никто из них не помнил.

Часть первая
Середина лета

Глава 1

О жрецах и пиратах

Кеннит шагал вдоль линии прибоя, не обращая внимания на соленые волны, которые омывали его сапоги и начисто слизывали следы, оставленные им на песке. Он не отрывал глаз от беспорядочной линии водорослей, ракушек и обломков плавника, отмечавшей уровень наибольшего подъема воды. Прилив только-только начал отступать – каждая новая волна чуть-чуть меньше предыдущей, и чудилось что-то умоляющее в том, как беспомощно они хватались за сушу. Когда море откатится подальше с черных песков, оно обнажит глыбы сланцевой глины, напоминавшие сточенные, обломанные зубы. Тогда заросли морской капусты, до того качавшиеся под водой, вяло повиснут бурой лохматой путаницей.

По ту сторону острова Иных, в бухте Обманной, стоял его двухмачтовый корабль, называвшийся «Мариетта». Кеннит приказал бросить якорь рано утром, когда рассветные ветры сгоняли с небес последние клочки штормовых туч. Прилив всю поднимался, и грозные клыки скал, прикрывавшие вход в печально знаменитую бухту, нехотя скрывались во вспененной зеленой воде. «Мариетта» процарапала днищем по обросшим ракушками валунам, буквально переползая через них внутрь, но все-таки одолела преграду – и вот таким образом Кеннит и Ганкис оказались на берегу, на крохотном полумесяце черных песков. Песков, впрочем, тогда видно не было, поскольку штормовая волна далеко перехлестнула линию самых высоких приливов.

А над головой Кеннита нависали сланцево-серые утесы, облепленные вечнозеленой растительностью. Цепкие кустарники с очень темной, почти черной листвой дерзко свешивались в пустоту, словно бросая вызов неистовой силе ветров.

Кеннита никто не назвал бы слаонервным, но и ему все время казалось, будто они лезут прямехонько в пасть к какому-то чудищу.

Юнга, по имени Опал, остался в шлюпке, вооруженный острогой для защиты от всевозможных нелепых случайностей, что так часто подстерегают посудыны, стоящие без присмотра в бухте Обманной. К

большому неудовольствию паренька, Кеннит в приказном порядке взял с собой на остров Ганкиса, оставив юнгу одного на берегу. Когда Кеннит оглянулся в последний раз, мальчишка сидел, нахохлившись, как на насесте, на банке вытащенного на песок суденышка. Бедняга Опал все вертел головой, почти с одинаковым страхом косясь то на заросшие лесом утесы наверху, то на воду – туда, где покачивалась «Мариетта». Отлив стремился увлечь корабль с потоком воды в открытое море, и якорные цепи туго натягивались.

Опасности, подстерегавшие моряков на этом острове, давно стали легендой. И дело было даже не в том, что на подходе к этой якобы лучшей на всем острове якорной стоянке вполне можно было разбиться. И обычные для этих мест странные происшествия с моряками были, в сущности, ни при чем.

Просто весь остров был, словно облаком, окутан эманациями странной магии Иных. Кеннит явственно ощущал ее прикосновения, пока они с Ганкисом пробирались по тропинке из Обманной бухты сюда, на берег Сокровищ. Да и сама тропинка, правду сказать, была весьма странной. Люди по ней очень редко ходили – и тем не менее черная галька, которой она была усыпана, чудесным образом оставалась свободна и от опавшей листвы, и от всепроникающих побегов растений. А по сторонам ее шел форменный дождь: листья, щедро вымоченные ночным ливнем, роняли влагу в заросли папоротника, и без того уже униженные хрустальными бусами. Воздух был прохладен и напоен жизнью. Яркие цветы оживляли тенистый сумрак подлеска... ни один цветок, кстати, не рос ближе чем на человеческий рост от тропинки. Их свежий аромат разносился в утреннем воздухе, как бы приглашая людей позабыть о своей цели и отправиться исследовать дивный лесной мир... Стволы деревьев были унижены оранжевыми грибами. Они вызвали у Кеннита гораздо меньше симпатии. Удивительная яркость их раскраски наводила на мысль о проголодавшихся паразитах. А вот паутина, усеянная, как и папоротники, сияющими бусинками влаги... Она висела над самой тропинкой, и людям пришлось низко нагнуться, чтобы под ней пройти. Паук, сидевший у края своих тенет, был оранжевым, как и грибы, и величиной едва ли не с кулачок ребенка. В паутине запуталась древесная лягушка, она отчаянно пыталась высвободиться, но паук интереса к своей добыче не проявлял.

Ганкис даже крикнул от отвращения. Да и немного боязно было пролезать под этой сетью.

Тропинка вилась через самое сердце царства Иных. Сойди с дорожки, отведенной здесь людям и столь тщательно обозначенной, – и как раз пересечешь незримую границу их страны.

Если, конечно, хватит отваги.

Старинные сказания утверждали, будто в древности сюда приезжали герои – и, вместо того чтобы идти по тропинке, намеренно с нее сворачивали. Они разыскивали логова Иных и смело бросали им вызов. Они приобщались премудрости их богини, заточенной в пещеру. Они вытребовали себе дары – всякие там плащи-невидимки и пламенеющие мечи, без труда рассекавшие любой щит. Дерзали сюда приезжать и певцы. Они возвращались назад обладателями голосов такой мощи, что могли лопнуть уши, и такого искусства, что самые черствые сердца после этого таяли, внимая их искусству. Ну и конечно, все слышали древнюю сказку про Кэйвена Черноволосого. Он гостил у Иных целых полвека, которые пролетели для него как один день. Когда он вернулся к людям, его волосы сделались золотыми, а глаза стали подобны раскаленным углям. А его песни, увенчанные невероятными рифмами, были полны волнующих предсказаний...

Кеннит тихонько фыркнул про себя. Нет никого, кто не слышал бы старинных сказаний. Однако на памяти самого Кеннита ни единая живая душа тропинки не покидала. А если кто на это и отваживался – никому о том не рассказывал. Может, оттого, что смельчакам обратной дороги не было?

Пират досадливо отогнал эту мысль прочь. Уж он-то на этот остров приехал не затем, чтобы с проторенной дорожки сходить. Он по ней пойдет до самого ее конца.

А что там – тоже всем известно.

Кеннит шагал по черной тропе, змеившейся по поросшим лесом холмам, занимавшим всю внутреннюю часть острова. Наконец пологий спуск вывел его на жесткую траву опушки. За ней была широкая полоса открытого берега, уже противоположного, – остров был небольшим. Всякому кораблю, который вздумает бросить здесь якорь, предсказывалось печальное будущее: следующая его стоянка, гласили легенды, будет на том свете. Кеннит слыхом не слыхивал ни об одном корабле, чьей команде вздумалось бы проверять истинность

старинных запретов. Может, потому и не слыхивал, что из преисподней слухи плоховато доходят?

Небо над головой было очень синим и очень чистым – таким, каким оно и бывает после сильного шторма. Длинное лукоморье было окаймлено песком и камнями. Лишь в одном месте его рассекал ручеек, проточивший себе путь через травянистую поляну. Струи воды вились по песку и пропадали в соленых морских волнах. Вдали, замыкая полумесяц залива, высились темно-серые скалы. Один из утесов напоминал высокую, выщербленную временем башню. Он стоял поодаль от берега, с которым его соединяла лишь узенькая полоска земли. В расщелине между «башней» и береговыми скалами виднелись небо и все то же беспокойное море.

– А славно потрепало нас нынче ночью, мой капитан! – раздался позади голос Ганкиса. Моряк тяжело дышал – ему приходилось спешить изо всех сил, чтобы поспеть за рослым, широко шагавшим пиратом. – Вообще-то, поговаривают, будто по берегу Сокровищ всего лучше гулять во-он там, где травка на дюнах. Якобы шторм вроде вчерашнего уж как волну разведет, так туда чего только не выбросит! Да все хрупенькие такие, изящные вещицы! Им, кажись, много ли надо, чтобы вдребезги разлететься, – ан нет, тихонечко себе укладываются в осоку, что в твою корзинку с соломой! Вот мой дядька рассказывал... ну, правду молвить, тот еще дядька, в смысле тетки моей муж, он на сестре матушки моей женат был... так вот, он рассказывал, будто знал одного чувака, который нашел там, наверху, маленькую деревянную шкатулку. Вся такая гладкая, черненькая, цветочками разрисованная. А внутри – стеклянная статуэтка. Женщина с крыльями бабочки, вот оно как! Да еще и стекло не какое-нибудь прозрачное, нет, все цветное, особенно крылышки, и не то чтобы раскрашенное, нет, там вся краска была прямо в стекле! – Тут Ганкис ненадолго прервал свою речь, чтобы осторожно, искоса, испытующе посмотреть на пирата. Потом опасливо поинтересовался: – Хочешь знать, какое толкование дал ей Иной?

Кеннит приостановился ковырнуть носком горбик мокрого песка. Чутье не подвело: на солнце блеснуло золото. Небрежно нагнувшись, он поддел пальцем тонкую золотую цепочку. На ней закачался освобожденный от песка медальон. Кеннит отряхнул находку о тонкие полотняные штаны, потом ловко открыл крохотный замочек. Золотые

половинки послушно расщелкнулись. Морская вода успела просочиться внутрь и испортить содержимое медальона, но с маленького портрета все еще улыбалась юная женщина. Ее глаза были полны веселья, смешанного с милым упреком. Кеннит хмыкнул и спрятал находку в карман парчового жилета.

– Все равно, капитан, они тебе его не оставят, – робея, вновь подал голос Ганкис. – Ни у кого не задерживается в руках найденное на берегу Сокровищ!

– Уж прямо, – буркнул в ответ Кеннит.

Он нарочно придал своему голосу оттенок насмешки. Пусть этот Ганкис задумается, что имел в виду капитан и не достанется ли ему сейчас по роже кулаком. Ганкис в самом деле начал топтаться с ноги на ногу, на всякий случай потихонечку отодвигаясь подальше. Немного помявшись, он изрек:

– Люди так говорят, мой господин. Все как один утверждают, что найденное здесь до дома не довозят. Ну а я про того приятеля моего дядюшки и в точности знаю. После того как Иной взглянул на его находку и сделал по ней предсказание, тот приятель последовал за Иным к берегу, вот к этим утесам. Может, даже прямо к вот этому самому! – Ганкис вскинул руку, указывая на одну из высившихся вдали скал. – Там, в отвесном камне, было много-много, прямо целые тыщи таких маленьких дырочек... ну этих... как бишь они называются...

– Альковы, – почти мечтательно подсказал Кеннит. – Лично я, Ганкис, зову их альковами. Кстати, и ты, если бы умел говорить на языке своей матери, называл бы их так же.

– Так точно, кэп, альковы. И в каждом лежало по сокровищу, но некоторые оставались пустыми. Тот Иной позволил дядькиному приятелю пройтись вдоль всей стены и вволю полюбоваться, и уж там, доложу тебе, такие были штуковины – во сне не приснится! Одни фарфоровые чашечки сплошь в розовых бутончиках чего стоили! А еще золотые кубки для вина с дорогими камушками по краю – полжизни! А махонькие деревянные игрушки, так здорово раскрашенные, ну просто живые! И еще тьма-тьмущая всякого разного, что и не додумаешься, каким словом назвать, и каждая – в своей собственной пещерке! Вот так, господин мой. А потом тот приятель увидел альковчик как раз подходящей высоты и ширины да и пристроил туда свою крылатую девушку. Он сам говорил дядьке – в

тот миг ему показалось, будто ничего не может быть правильной, кроме как поставить стеклянную девчужку в эту пещерку. Вот он и поставил... да там ее и оставил. А сам распрощался с островом да и поехал домой. Так-то вот.

Кеннит прочистил горло, умудрившись вложить в краткое покашливание гораздо больше презрения, чем другому удалось бы выразить самой длинной и заковыристой бранью. Ничего удивительного, что Ганкис смущенно потупился.

– Это не я так говорю, кэп. Это он так говорил... – Не зная, куда деть руки, моряк подтянул выдавшие виды штаны. – Вообще-то, – добавил он с видимой неохотой, – тот приятель, он... малость не от мира сего. Случись у него прибыль какая – отдает седьмую часть в храм Са. И двоих старшеньких своих туда же отправил. Такой уж он человек. У него, господин мой, иначе мысли устроены, не так, как у нас...

– ...если допустить, Ганкис, что ты вообще думаешь, – закончил за него капитан. Светлые глаза Кеннита вновь устремились к отдаленной границе воды. Он слегка прищурился – утреннее солнце ослепительно играло на волнах. – Вот что, ступай-ка ты на свои любимые дюны. Если что найдешь – тащи мне.

– Слушаюсь, кэп!

Старый моряк вразвалку отправился прочь, лишь однажды жалобно оглянувшись на молодого капитана. Достигнув берегового откоса, он ловко вскарабкался наверх, на травяную лужайку. И двинулся вдоль берега, обшаривая взглядом землю под ногами.

Ему повезло почти сразу. Что-то заметив, он бегом поспешил вперед и еще через мгновение вскинул над головой нечто ярко блеснувшее на свету.

– Кэп, кэп, смотри-ка, что я нашел!

– И посмотрю, если живенько притащишь сюда, как я тебе приказал! – раздраженно отозвался Кеннит.

Ганкис ринулся к капитану, словно пес, услышавший команду «Ко мне!». Его карие глаза сияли, как у мальчишки, он прижал свою находку двумя руками к груди и лихо сиганул вниз с обрывчика в человеческий рост высотой. Потом побежал, и песок так и разлетался из-под его башмаков. Кеннит хмуро следил за его приближением. Как ни лебезил старый моряк перед своим капитаном, да только делиться

добычей он был склонен не более, чем любой другой их собрат по ремеслу. Кеннит не очень-то и надеялся, что Ганкис по собственной воле принесет ему что-либо, на что набредет в дюнах; в конце прогулки он собирался попросту обогреть своего спутника. А вот пойдешь ты – Ганкис мчался к нему, сияя, словно деревенский увалень, раздобывший для милашки-молочницы букетик цветов. Странно. Очень странно. Даже настораживает.

Тем не менее Кеннит ничем не выдал своих чувств, храня на лице обычную для него язвительную усмешку. Это была тщательно отработанная и заученная поза, наводившая на мысли о томной грации охотящегося кота. Он ведь свысока смотрел на Ганкиса не потому только, что был выше ростом. Кеннит неизменно созерцал своих приспешников так, словно его забавляли любые их слова и поступки. Что бы, дескать, они ни придумали, им его нипочем не удивить! Пусть верит команда, будто он способен провидеть не только малейшие их намерения, но даже и самые мысли. Все меньше разного своеволия, от которого и до бунта недалеко. Даже если у них и возникнет какое-то недовольство – кто, скажите на милость, отважится первым пойти против такого-то капитана?

Вот так Кеннит и стоял, глядя на Ганкиса, мчавшегося к нему по берегу. Когда же тот подбежал, капитан отнюдь не поторопился выхватить у него найденное сокровище. Пусть-ка сам протянет его. А он, Кеннит, будет взирать, словно скучая...

Но стоило ему только бросить взгляд на Ганкисову находку – и ему потребовалось все его самообладание, чтобы тотчас не заграбастать ее. Ибо никогда еще он не встречал столь искусно сработанной безделушки! Это был стеклянный пузырь абсолютно правильной формы. Ни царапинки не портило отполированной поверхности. Стекло отливало едва заметной голубизной, но этот оттенок нисколько не мешал рассмотреть диво, заключенное внутри. В недрах шара виднелась маленькая сцена, а на ней – крохотные фигурки, пестро одетые, с разрисованными лицами. Ко всему прочему они были еще и как-то связаны между собой. Ганкис встряхнул шар на ладонях – и фигурки задвигались. Одна принялась вращаться на цыпочках, другая стала кувыркаться через скамейку, а третья закивала головой в такт их движениям – ни дать ни взять все трое отзывались на веселый мотивчик, заключенный вместе с ними внутри стеклянного пузыря.

На глазах у Кеннита Ганкис дважды привел механизм в действие. Только тогда капитан молча протянул холеную длиннопалую руку, и моряк положил сокровище ему на ладонь. Оно не полностью ее заняло. Оставаясь подчеркнуто невозмутимым, Кеннит сначала посмотрел шар на свет, потом небрежно качнул, и маленькие плясуны ожили, послушные его воле.

– Игрушка, – бросил он наконец. – Забава для малыша.

– Осмелюсь заметить, кэп, этот малыш должен быть принцем не из последних, – возразил Ганкис. – Хрупковат шарик-то, чтобы его какому ни есть ребенку дарить! Уронит разочек – и поминай как звали!

Кеннит подпустил в голос точно отмеренную дозу добродушия:

– Но ведь выдержал же он, пока его мотало волнами. А потом вон куда вышвырнуло на берег. Значит, его не так-то просто расколотить.

– Верно, кэп, вот уж верно так верно, но на то, знаешь ли, тут и берег Сокровищ. Правду люди бают, тут что на берег ни выплеснется – все целехонько. Уж таково, стало быть, волшебство здешнего места!

– Волшебство? – Кеннит позволил себе расплыться в улыбке, опуская находку в просторный карман темно-синего камзола. – Значит, ты веришь, что это магия выкидывает сюда из воды всякие безделушки?

– А что ж, если не она самая? Такой игрушечке ведь в самую пору было бы разлететься на вот такусенькие осколки! Или по крайней мере исцарапаться, пока валялась в песке! А она, вишь, ну прям как только от ювелира!

Кеннит саркастически покачал головой.

– Магия... Нет, Ганкис, волшебства тут не больше, чем в сокрушительных приливах на отмели Орт или в Перечном течении, которое подгоняет корабли, идущие к островам за пряностями, а потом всячески измывается над ними по дороге назад. Просто так уж подобрались тут ветра, течения и приливы. И ничего сверхъестественного. Думаю даже, что именно со всем этим и связаны рассказы о кораблях, которые бросают здесь якоря – и превращаются в щепки к следующему приливу.

– Тебе видней, господин мой.

Ганкис послушно согласился со своим капитаном, но Кеннит понимал, что отнюдь не убедил его. Больше того, взгляд моряка то и

дело устремлялся к оттопыренному карману его камзола, укрывшему дивный шар. Улыбка Кеннита стала еще чуточку шире.

– Ну? Что стоишь? Ступай, может, еще на что набредешь.

– Слушаюсь, кэп... – сдался Ганкис.

Он бросил последний скорбный взгляд на отяжелевший карман Кеннита и, повернувшись, заспешил обратно к откосу. Кеннит погрузил руку в карман, лаская пальцами прохладную гладкость стекла. Потом тоже двинулся дальше вдоль берега. Чайки над головой словно бы брали с него пример – скользя в потоках бриза, тщательно высматривали все, что могло попасться съедобного в обнажившейся полосе прилива. Кеннит не торопился, хотя мысли о корабле, дожидавшемся по ту сторону острова, в весьма коварных водах, ни на миг не покидали его. Нет уж, он пройдет весь берег до самого конца, как и предписывала традиция. Потом разыщет какого-нибудь Иного и выслушает причитающееся ему предсказание. Но торчать лишку его здесь никакая сила не заставит. Не говоря уж о том, чтобы расставаться с сокровищами, которые, может быть, еще попадут ему под ноги.

Вот теперь, когда никто не мог его видеть, он улыбался по-настоящему.

Вынув руку из кармана, Кеннит рассеянно тронул левое запястье. Там, невидимая под кружевной манжетой шелковой белой рубашки, вилась двойная петля черного кожаного шнура. Она плотно притягивала к запястью маленький деревянный предмет. Это была резная человеческая личина, просверленная во лбу и в нижней челюсти таким образом, чтобы возможно теснее прилегать к телу, как раз там, где бьется под кожей пульс. Когда-то деревяшку покрывала черная краска, но теперь она большей частью истерлась. Однако черты лица, вырезанные с величайшим тщанием и умением, остались в неприкосновенности. Деревянный человечек доводился Кенниту близнецом, и даже усмешка у него была точно такая же. Лучше не вспоминать, сколько денег пришлось на него угробить. Да и не в деньгах дело. Не всякий из тех, у кого была возможность заполучить диводрево, отваживался его носить. Даже если кишка была не тонка что-то украсть.

Кеннит хорошо помнил мастера, изваявшего для него эту личину. Сколько долгих часов он высидел у него в мастерской, непременно в холодном утреннем свете, пока тот мучительно-трудно точил и резал

невероятно твердое дерево, добиваясь необходимого сходства! Они не разговаривали друг с другом. Мастер не мог, а пирату и не хотелось. Он знал, что для достижения должного сосредоточения резчику требовалась полная тишина. Он ведь трудился не только над деревяшкой, но и над заклинанием, должным оградить носителя амулета от любой магии.

Кроме того, Кенниту и нечего было ему сказать. Некогда пират вывалил ему невероятную сумму вперед, потом долго дождался гонца с сообщением – дескать, удалось раздобыть толику очень дорогого и ревностно охраняемого диводрева. Когда, прежде чем приступить к плотской и духовной работе над амулетом, мастер потребовал еще денег – Кеннит пришел в ярость. Но оставил ее при себе, лишь, как обычно, насмешливо скривил губы. И выкладывал на весы серебро, золото и драгоценные камни, пока мастер не кивнул, показывая, что цена его удовлетворяет. Как и многие приверженцы незаконного промысла, он давным-давно пожертвовал собственным языком, дабы у заказчика не возникло сомнений в надежности сохранения тайны. Кеннит усомнился про себя в действенности подобного увечья, но оценил силу стремления резчика, подвигнувшую его на такой поступок.

В общем, окончив работу и самолично притянув амулет к запястью пирата, мастер смог лишь энергично кивнуть, выражая удовлетворение собственным искусством.

Ну и конечно, позже Кеннит прикончил его. Это был самый разумный выход из положения, а уж в чем в чем, но в благоразумии Кенниту отказать было нельзя. Естественно, и добавочную плату, истребованную мастером, он забрал обратно себе. Людей, нарушавших первоначальную договоренность, Кеннит терпеть не мог. Но резчика убил не поэтому. Просто иначе ему было не оградить свою тайну. Прознай люди, что их капитан таскает на себе амулет для защиты от колдовства, они непременно решили бы, будто Кеннит их боится. Еще не хватало – чтобы команда вообразила, что он чего-то боится! Его удачливость порождала легенды. Люди, следовавшие за ним, верили в его счастливую звезду непоколебимо – в отличие от него самого. Потому-то они и готовы были пойти за ним в огонь, не говоря уже о воде. И что же – дать им повод вообразить, будто что-то способно отвратить от него удачу?

Целый год после расправы над мастером он прожил в тревоге – уж не повлияло ли это убийство на произнесенное им заклинание, ибо амулет все не оживал. Как-то раньше Кеннит спросил самого резчика, сколько, мол, придется ждать, прежде чем черты маленького лица наполнятся жизнью. Но тот лишь красноречиво передернул плечами, а потом как умел объяснил жестами, что ни он, ни кто-либо другой не могут предсказать срок. Вот Кеннит и прождал целый год, чтобы заклятие наконец заработало, но в конце концов его терпение иссякло. Тогда-то некое нутряное чутье и подсказало ему, что настала пора посетить берег Сокровищ и посмотреть, что за будущность насулит ему океан. Хватит ждать, решил он, пока эта штука проснется сама собой; пришло время рискнуть! Пусть счастливая звезда, осенявшая все дела Кеннита, оградит его еще всего один раз. Помогла же она ему в тот день, когда он пришел убивать мастера. Так случилось, что тот неожиданно обернулся – как раз чтобы увидеть, как Кеннит обнажает клинок. Пират про себя подумал – не будь резчик безъязыким, его предсмертный вопль прозвучал бы куда как громко.

Ладно! Капитан волевым усилием изгнал прочь все мысли о том ушедшем в прошлое деле. Он явился на берег Сокровищ не для того, чтобы рыться в пыльных воспоминаниях. Он должен был сделать находку и тем самым упрочить свою будущность. Кеннит сосредоточил внимание на извилистой полоске выброшенного морем мусора и двинулся вперед. Его взгляд скользил мимо блестящих раковин, обломанных крабовых клешней, оторванных водорослей и всевозможных коряг. Бледно-голубые глаза шарили кругом лишь в поисках того, что сошло бы за истинную находку...

И далеко идти ему не пришлось. Кенниту попался морской сундучок, а в нем – целый сервиз чайных чашечек. Вряд ли они были сделаны людьми. Или использовались людьми. Их было двенадцать, все – изготовленные из высверленных окончаний птичьих костей. На чашках сохранился рисунок, выглядевший так, словно кисть, которую обмакнули в темно-синюю краску, состояла из одного-единственного волоска. Чашечки долго состояли у кого-то в хозяйстве – синий рисунок выцвел и стерся до такой степени, что восстановить его первоначальный вид не было никакой возможности, а гнутые костяные ручки истончились сверх всякой меры. Кеннит устроил сундучок под мышкой и отправился дальше.

Он шел против солнца, и его удобные сапоги оставляли четкий след на мокром песке. В какой-то момент он поднял голову, оглядывая берег. Выражение лица ничем не выдавало обуревавших его ожиданий и надежд. Когда он снова опустил взгляд к песку, его глазам предстала крохотная коробочка из кедровой древесины. Соленая вода успела потрудиться над ней. Чтобы раскрыть коробочку, ее пришлось расколоть о камень, словно ореховую скорлупу. Внутри оказались... накладные ногти. Выточенные из переливчатого перламутра. Малюсенькие зажимы должны были прикреплять их поверх обычных ногтей. В кончике каждого имелось крохотное углубление – вероятно, для яда. Ноготков было двенадцать. Кеннит засунул их в другой карман. Там они перекатывались при ходьбе и постукивали один о другой.

Пирата несколько не волновало, что все попадавшие ему сокровища были явно задуманы, сделаны и использовались не людьми. Сколько бы ни издевался он над наивной верой Ганкиса в здешнее волшебство – то, что вещицы сюда подбрасывал не только и даже не столько океанский прибой, не подлежало никакому сомнению. Даром, что ли, корабли, стоявшие на рейде близ этого острова, после шквала пропадали без следа – ни тебе досочки, ни даже щепочки. Бывалые моряки утверждали, будто те корабли уносило вообще прочь из этого мира – плавать дальше по морям где-то «по ту сторону». Кеннит ничуть в том не сомневался.

Он снова посмотрел на небо. Над головой сияла все та же безмятежная голубизна. Ветер был достаточно свежим, но Кеннит надеялся, что погода не переменится, пока он не обшарит весь берег и не вернется через остров к своему кораблю.

Пускай уж ему и в этот раз повезет.

Следующая находка смутила его душевный покой больше всех. Это был полузасыпанный песком кожаный мешочек, сшитый из красных и синих кусочков. Кожа выглядела прочной, мешочек явно и сделан был на совесть. Морская вода лишь промочила его, заставив краски расплыться беспорядочными потеками. Соль разъела бронзовые пряжки и сделала твердыми кожаные тесемки, стягивавшие горловину мешка. Кеннит вытащил нож и вспорол боковой шов...

Его глазам предстал целый выводок котят. Шесть штук. Все – с длинными когтями и радужными пятнышками за ушами. Все –

мертвые.

Содрогаясь от отвращения, Кеннит вытащил из мешка самого маленького. Покрутил податливое тельце в руках. мех был голубоватым, насыщенного темного тона. А веки – розовыми.

«Больно уж мелкие... Карликовые, наверное». Промокшее тельце было холодным и внушало лишь омерзение. Кеннит не отшвырнул его только потому, что был капитаном пиратов, а не чувствительной барышней. Заметив на одном ушке впившегося клеща, он не сразу понял, что это не клещ, а рубиновая сережка. Кеннит сдержал ее и отправил в карман, к прочим своим находкам. А потом, повинувшись внезапному порыву (которого сам толком не понял), сложил маленькие синие тела обратно в мешок и положил там же, где поднял.

Цепочка его следов потянулась дальше по мокрому пляжу...

Благоговение заполняло все его существо, распространяясь вместе с токами крови. Дерево. Сок и кора, аромат древесины и запах листьев, шепчущихся наверху. Дерево... А еще – земля и вода, воздух и свет, поглощаемые и источаемые созданием, именуемым просто «дерево»...

– Уинтроу!

Мальчик медленно отвел взгляд от высившегося перед ним дерева. С большим трудом сосредоточился на улыбающемся лице молодого жреца. Бирандол кивнул, одобряя и поддерживая его. Уинтроу ненадолго зажмурился, задержал дыхание и, сделав усилие, оторвался от того, чем занимался. Вновь открыв глаза, он схватил ртом воздух, как ныряльщик, поднявшийся из глубины. Пятна света и теней, сладость лесного воздуха, мягкое тепло ветерка – все это внезапно померкло для него и исчезло. Он находился в монастырской мастерской – прохладном зале с каменными стенами и полом. Пол охлаждал босые ступни. В большом помещении виднелась еще дюжина столов, сделанных из плитняка. За тремя из них трудились мальчишки вроде него самого. Их замедленные, словно бы сонные, движения свидетельствовали о погружении в транс. Один плел корзину, двое других мяти глину, и пальцы у них были серые и мокрые.

Уинтроу посмотрел на свинец и кусочки блестящего стекла, разложенные на столе перед ним самим. Красота мозаики, которую он, оказывается, сложил, изумила его самого. И все-таки эта красота не шла ни в какое сравнение с чудесным ощущением причастности к

жизни дерева, которое он только что испытал. Мальчик погладил пальцами искусно выложенный ствол, гордо раскинутые ветви... Прикосновение к мозаике оказалось сродни прикосновению к собственному телу: и то и другое было знакомо ему одинаково хорошо. Он услышал, как позади него еле слышно ахнул Бирандол. Восприятие Уинтроу было все еще обострено, и благоговейное чувство, охватившее молодого жреца, всецело передалось мальчику. Так они и стояли некоторое время, согласно и молча торжествуя по поводу очередного чуда Са.

– Уинтроу, – тихо повторил жрец.

Он протянул руку и обвел пальцем крохотного дракона, что выглядывал между верхними ветвями дерева, потом проследил сияющий изгиб змеиного тела, почти спрятанного под перевитыми корнями... Обнял мальчика за плечи и мягко повернул его лицом прочь от верстака. И повел наружу из мастерской, ласково выговаривая ему по дороге:

– Ты еще слишком юн, чтобы целое утро выдерживать подобное состояние. Учись соразмерять силы, не стремись достичь сразу всего!

Уинтроу поднял руки к лицу и принялся тереть глаза – ему показалось, что под веки внезапно набился песок.

– Я в самом деле торчал там целое утро? – изумился он. – Правда, Бирандол, я и не заметил, как время прошло!

– Конечно не заметил. Зато твоя нынешняя усталость наверняка убедит тебя, что это действительно так. Ты бы поберегся, Уинтроу. Попроси завтра служителя, чтобы пробудил тебя к середине утра. Ты, мальчик мой, наделен редким талантом. Обидно будет, если ты сожжешь его попусту, вместо того чтобы бережно развивать.

– Ох! В самом деле все болит, – смущенно пожаловался Уинтроу. И откинул со лба пряди черных волос, улыбнувшись: – Но ведь дерево стоило того, а, Бирандол?

Жрец медленно наклонил голову.

– И даже сразу в нескольких смыслах. Продать этот витраж – и, пожалуй, выручки хватит перекрыть крышу в доме послушников. Если, конечно, у матери Деллити не дрогнет рука разлучить монастырь с таким чудом! – Он ненадолго задумался и добавил: – Стало быть, вот они и появились опять... Дракон и змея. Если бы только знал...

И он умолк, не договорив.

– А я и не помню, как, собственно, они у меня выложились, – сказал Уинтроу.

– Понятно.

В голосе Бирандола не было ни тени осуждения или просто оценки. Лишь терпение.

Некоторое время они в согласном молчании брели каменными переходами монастыря. Восприятие Уинтроу постепенно теряло особую остроту и вновь становилось обычным. Он больше не ощущал вкуса кристаллов соли, попадавшихся в камне стен, не слышал тончайших потрескиваний, испускаемых древней кладкой. Его кожа вновь могла безболезненно выносить прикосновение грубой коричневой ткани послушнических одеяний. К тому времени, когда они достигли тяжелой деревянной двери и вышли в сады, душа Уинтроу окончательно водворилась назад в тело. Вот только голова немного шла кругом, как если бы его только что разбудили посреди глубокого сна, да все кости болели, точно он целый день картошку копал. Он молча шел подле Бирандола, как того требовал монастырский устав. На пути им встречались другие люди, мужчины и женщины, кое-кто – в зеленых одеяниях посвященного жречества, иные – в белом платье служителей. Друг друга они приветствовали кивками.

Когда впереди показался сарай с инструментами, Уинтроу испытал внезапную и беспокоящую уверенность, что Бирандол вел его именно туда, а значит, остаток дня ему предстояло трудиться в залитом солнцем саду. В другое время он бы этому только обрадовался, но нынешнее утро, проведенное в сумрачной мастерской, наградило его светобоязнью. Уинтроу невольно замедлил шаг, и Бирандол оглянулся.

– Мальчик мой, – ласково упрекнул он послушника, – не допускай беспокойства в душу свою. Беспокоясь о чем-то, ты заимствуешь из будущего печали, которые, может статься, наяву еще тебя обойдут, и тем самым пренебрегаешь настоящим, которым следует наслаждаться. Тот, кто попусту страдает о завтрашнем дне, теряет день сегодняшний, да и будущее свое отравляет, загодя ожидая скверного. – Голос Бирандола сделался строже. – Ты, мальчик мой, слишком часто позволяешь себе тревожиться и переживать о том, что еще не случилось. Если тебе откажут в жреческом посвящении, то, скорее всего, именно за это!

Уинтроу с бесконечным ужасом уставился на Бирандола. Какое-то мгновение его лицо было маской жуткого, всеобъемлющего одиночества. Потом он наконец осознал ловушку, расставленную жрецом. Ужас как рукой сняло, он облегченно улыбнулся:

– Вот именно. Чем больше изводишься мыслями о возможности поражения, там вернее оно постигнет тебя.

Жрец добродушно подтолкнул юнца локтем.

– Правильно, мальчик мой. До чего же быстро ты растешь и впитываешь науку! Я вот был намного старше тебя, мне сравнялось самое меньшее двадцать, когда я наконец выучился применять это Противоречие в обыденной жизни!

Уинтроу застенчиво пожал плечами.

– Я как раз размышлял об этом вчера вечером, перед тем как заснуть. Двадцать седьмое Противоречие Са: «Следует рассчитывать на будущее и предвкушать будущее, не боясь будущего».

– Тебе всего тринадцать, – заметил Бирандол. – Рано же ты постиг Двадцать седьмое Противоречие.

Уинтроу простодушно поинтересовался:

– А ты сам сейчас на каком?

– На Тридцать третьем, и вот уже два года над ним бьюсь.

– Я, – сказал Уинтроу, – так далеко еще не забирался.

Они медленно шли под яблонями, чья листва, казалось, обмякла в полуденную жару. Зреющие плоды отягощали ветви. На другом конце сада между стволами сновали служители, таскавшие из ручья ведерки с водой.

– «Жрецу не следует выносить суждений, покуда он не сможет судить, словно сам Са; покуда не достигнут совершенства его милосердие и справедливость», – тихо процитировал Бирандол. – Честно признаться, никак не возьму в толк, как это вообще возможно.

Взгляд мальчика уже обратился внутрь, лоб прорезала едва заметная морщинка.

– Доколе ты считаешь это невозможным, твой разум остается закрытым и не способен понять. – Голос Уинтроу звучал словно бы издали. – А впрочем, возможно, именно это нам и предлагают уразуметь: понять, что, будучи жрецами, мы не смеем судить, ибо не обладаем совершенным милосердием и совершенной справедливостью. Быть может, нам следует лишь утешать и прощать...

Бирандол только головой покачал.

– Тебе потребовалось несколько мгновений для духовной работы, на которую у меня ушло целых полгода. Но вот я оглядываюсь вокруг и вижу множество жрецов, которые знай себе судят и осуждают. А те из нашего ордена, кто выбрал путь Странников, только и занимаются тем, что помогают мирянам разбираться во всякого рода жизненных сложностях. Надобно думать, они так или иначе постигли Тридцать третье Противоречие?

Мальчик с любопытством посмотрел на него. Он собрался было что-то сказать, но покраснел и решил промолчать.

– Что там у тебя на уме? – спросил подопечного Бирандол. – Что бы это ни было, скажи мне.

– Я... ну... в общем, я собрался было тебя упрекнуть. Но мне стало стыдно, и я...

– И в чем же заключался твой упрек? – не отставал жрец.

Мальчик только замотал головой, и его наставник рассмеялся:

– Ну же, Уинтроу! Неужели ты думаешь, что, заставляя тебя говорить, я сам же на твои слова и обижусь? Ну так какая же мысль тебя посетила?

– Я хотел сказать, что в своем поведении тебе следует руководствоваться твоими помыслами о Са, а не впечатлениями от поступков других. – Откровенно высказавшись, Уинтроу потупил глаза. – Впрочем, не мне тебя поучать...

Бирандол действительно не обиделся, скорее впал в глубокую задумчивость.

– Но если я стану руководствоваться лишь помыслами о Са, тогда как сердце говорит мне, что немислимо человеку судить, как Са, в абсолютном милосердии и праведности... Из чего следует заключить... – Его речь замедлилась, отвечая мучительному борению мысли. – Следует заключить, что либо Странники достигли много больших духовных глубин, нежели я... Либо у них права судить не больше, чем у меня. – Взгляд молодого жреца бесцельно блуждал среди деревьев. – Так неужели же целая ветвь нашего ордена существует без праведности? Но не грешно ли даже помыслить об этом?

В смятении он повернулся к шедшему рядом мальчишке, но Уинтроу ответил с безмятежной улыбкой:

– Не заплутает твой разум, если направляют его помыслы о Са.

– Придется мне еще как следует над этим поразмыслить, – вздохнул Бирандол. И бросил на мальчика взгляд, полный самой искренней приязни. – Благословен будь тот день, когда тебя отдали мне в ученики! Хотя, правду сказать, иногда я задумываюсь, кто из нас ученик, а кто наставник. Мне будет очень не хватать тебя.

Глаза Уинтроу вспыхнули внезапной тревогой.

– Как это – не хватать? Ты что, уезжаешь? Тебя уже призвали к служению? Так скоро?

– Не я уезжаю, а ты. Не так следовало бы мне преподнести тебе эту весть... но, как обычно, беседа с тобой сразу отвлекла меня от того, о чем я первоначально собирался говорить. Итак, ты уезжаешь. Потому-то я и пришел за тобой в мастерскую: сказать, чтобы ты шел укладывать вещи, ибо тебя вытребовали домой. Твои бабушка и мать известили нас, что твой дедушка умирает. Тебе следует быть сейчас с ними.

На лице мальчика отразилось горестное смятение чувств, и Бирандол сокрушенно добавил:

– Вот видишь, как неуклюже я тебе все это вывалил. Прости меня. Ты так редко рассказывал о семье... Я и не подозревал, что дедушка был так близок тебе.

– На самом деле это не так, – просто и прямо ответил Уинтроу. – Правду сказать, я по сути-то едва его знаю. Когда я был маленьким, он все плавал по морю. А когда изредка приезжал, то всегда пугал меня. И не то чтобы он бил меня, нет. Просто... такая сила от него исходила! Когда дед входил в комнату, то казалось, что он в ней не поместится. И голос у него был такой... и борода... Иногда я слышал, как другие люди говорили о нем. Уж на что я был мал, а и то чувствовал, что для них он – герой из легенды. Мне и в голову не приходило назвать его «дедулей». Даже «дедушкой» не осмеливался. Он приезжал и врвался в дом, точно северный шторм, и я, вместо того чтобы радостно бросаться навстречу, большей частью старался спрятаться где-нибудь подальше. Меня, конечно, вытаскивали и ставили перед ним. И я только помню – он всякий раз возмущался, как я плохо расту. «Это что за тщедушная былинка? – громыхал он. – Выглядит так, словно кто взял других моих мальчуганов да в два раза уменьшил! Вы тут что, его плохо кормите? Или он есть не желает?» А потом подтащит меня

поближе и давай щупать мою руку, словно я скотина, которую откармливают на убой. И я все время стыдился своего маленького роста, словно был в том виноват. А потом меня отдали в послушники, и мы стали встречаться еще реже. Но тот его образ остался жить в моей памяти, нисколько не изменился. Однако сейчас я боюсь не своего деда... и даже не бдения у его смертного ложа. Я просто не хочу домой, Бирандол. Там... так шумно...

Молодой жрец сочувственно покачал головой.

– По-моему, пока я сюда не попал, и думать-то как следует не выучился, – продолжал Уинтроу. – Там было слишком шумно. И суетно. Не помню, чтобы у меня когда-нибудь было время поразмыслить. Утром Нана вытаскивала нас из постелей... и до самого вечера, пока нас не вымоют и опять не уложат, все какая-то беготня. Одевают... тащат куда-то на улицу... уроки, еда, посещение друзей, переодевания, снова еда... и вот так без конца. Знаешь, когда я сюда приехал, то два дня из кельи не выходил. Не стало рядом Наны, мамы и бабушки, которые меня туда-сюда гоняли, – я и не знал, чем заняться. И потом, мы с моей сестренкой очень долго были как одно целое. Нас дома и звали-то куда-то не порознь, а всегда одним словом: «дети». «Детям пора спать». «Детям пора ужинать»... Так что, когда нас наконец разделили, у меня словно бы полтела отрезали.

– Ага! – усмехнулся Бирандол. – А я-то всегда гадал, что это значит – принадлежать к роду Вестритов. Все пытался представить, как живет детворе в старых купеческих семьях Удачного. У меня-то детство было совсем другое... хотя и в чем-то очень похожее. Я, знаешь ли, из семьи свинопасов. Ни тебе няньки, ни торжественных выходов, зато такая тьма тяжелой и грязной работы, что за целый день спину не разогнешь. Как я теперь понимаю, мои домашние из кожи вон лезли, чтобы хоть как-нибудь выжить. Недоедали, чтобы запасы еды растянуть. Чинили одежду, которую давно пора было выбросить. Возились со свиньями – вот кому доставалась и забота, и лучший кусок. Ну и о том, чтобы отдать ребенка в храм, ни у кого даже мысли не возникало. Но потом мать заболела, и отец дал обет: если она останется жить, он посвятит Са одного из детей. Мать поправилась, и меня отослали. Тем более что я считался заморышем, паршивой овцой в стаде. Ну как же, самый младший из выживших, да еще косорукий. Мой отъезд был для них, конечно, убылью в хозяйстве, но далеко не

такой, как если бы пришлось расстаться с одним из моих крепких старших братишек.

– Косорукий? – изумился Уинтроу. – Ты? Косорукий?

– Был. Однажды в детстве я покалечился – и рука долго не заживала. А когда наконец срослась, силы в ней никакой не было. Жрецы вылечили меня. Я шел поливать сад, и жрец, который нами распоряжался, всякий раз выдавал мне два неодинаковых ведерка. И заставлял таскать в больной руке более тяжелое. Скажу тебе, я вначале посчитал его за сумасшедшего. Меня ведь дома приучили все делать одной здоровой рукой... Вот так я впервые соприкоснулся с помыслами о Са.

Уинтроу призадумался, но почти сразу просиял:

– «Ибо слабейшему следует лишь обратиться на поиски своей силы, и он найдет ее и сделается силен»!

– Вот именно. – Молодой жрец указал на длинное низкое строение, показавшееся впереди. Они вышли как раз к покоям служителей. – Случилось так, что гонец был вынужден задержаться в пути. Скорей собирай вещи и отправляйся прямо сейчас, чтобы не опоздать на корабль. Отсюда до гавани еще шагать и шагать.

– Корабль! – Отчаяние, сошедшее было с лица Уинтроу, тотчас вернулось. – Ох, только не это! Терпеть не могу путешествовать морем. А впрочем, до Удачного отсюда иначе не доберешься... – И совсем помрачнел: – Ты сказал – *идти* в гавань? Они что, даже лошади для меня не прислали?

– Быстро же ты вспомнил о радостях богатой жизни, Уинтроу! – слегка упрекнул его Бирандол. Мальчик смущенно потупился, а жрец продолжал: – Нет, в письме говорится, что некий друг предложил помочь тебе в поездке и ваша семья с радостью приняла его помощь. – И пояснил: – Похоже, достаток в твоей семье уже не таков, каким был когда-то. Северная война жестоко прошла по многим купеческим домам. Сколько товаров не удалось ни отправить по Оленьей реке на продажу, ни получить из верховий! – Он задумчиво вздохнул. – К тому же наш молодой сатрап не так благоволит Удачному, как, бывало, благоволили его предки. Те-то понимали, что люди, отважившиеся поселиться на Проклятых берегах, заслуживают щедрой доли во всех сокровищах, которые там найдутся. Увы, молодой Касго так не считает. Говорят даже, будто он полагает, что они давно уже получили

все причитающееся за тот давний подвиг – когда Проклятые берега были счастливо заселены, – а если над ними и тяготело какое проклятие, то оно успело рассеяться. Вот он и обложил их новым налогом, а земли вокруг Удачного поделил на поместья для своих приближенных. – Бирандол осуждающе покачал головой. – Тем самым он нарушает слово, данное его пращуром, и обрушивает тяготы на людей, которые всегда оставались ему верны. Не к добру это, не к добру...

– Я знаю, Бирандол. Знаю, мне следует радоваться, что не заставили тащиться пешком до самого дома. Но... тяжело это – отправляться туда, куда я не хочу и боюсь возвращаться... да еще и на корабле. Нерадостно будет мне в этом путешествии.

– Тебя что, укачивает в море? – спросил Бирандол. – А я-то думал, потомкам моряков морская болезнь не грозит!

– Даже на самого закаленного моряка найдется достаточно сильная буря, в которую его укачает. Но не в том дело. Весь этот шум, беготня вокруг... куда ни ткнишь, всюду люди, и от них некуда деться... и так пахнет... А матросы! Наверное, это по-своему славные люди, но... – мальчик пожал плечами, – совсем не такие, как мы. Им некогда размышлять и беседовать о чем-либо из того, что занимает нас здесь, Бирандол. А попробуй они – их суждения окажутся столь же обыденными, как у самого последнего из наших служителей. Они живут как животные и соответственно рассуждают. Мне будет все время казаться, что я нахожусь среди неразумного зверья. Хотя сами они, конечно, в этом не виноваты, – поспешил добавить он, заметив, как сдвинул брови молодой жрец.

Бирандол в самом деле набрал полную грудь воздуха, словно бы для того, чтобы говорить долго и страстно, но внезапно раздумал. И, помолчав, сказал лишь:

– Ты уже полных два года не бывал в родительском доме, Уинтроу. Два года ты не покидал монастыря и не общался с мирскими тружениками. Смотри же кругом хорошенько. И внимательно слушай. А когда возвратишься – расскажешь мне, придерживаешься ли ты еще того мнения, которое только что высказал. Не забудь об этом – потому что и я не забуду.

– Обязательно, Бирандол, – искренне пообещал мальчик. – И мне тоже будет очень тебя не доставать.

– В таком случае радуйся, ибо наше расставание откладывается на несколько дней. Я провожу тебя до гавани. Давай же соберемся поскорее – и в путь!

Дальний конец берега был еще далеко, когда Кеннит ощутил, что оттуда за ним наблюдает Иной. Собственно, этого он и ожидал, но все равно ощутил укол любопытства: разноречивые слухи об Иных сходились на том, что они суть создания сумерек и зари, избегающие прямого солнечного света. Кто-нибудь более робкий, нежели Кеннит, мог бы и испугаться; но робкому человеку и во сне не приснилась бы удача, сопровождавшая Кеннита. Равно как и его меч и умение им владеть. А потому Кеннит просто продолжал неторопливо шагать вперед – и подбирать, что под ноги попадалось. Он делал вид, что ничего не случилось. И в то же время его не оставляло чувство, что и этот его обман не остался незамеченным. Жутковатое, надо сказать, ощущение. «Началась игра в кошки-мышки», – подумал он и тайком улыбнулся.

Какое же раздражение охватило его, когда буквально тут же к нему во всю прыть подлетел Ганкис – и вывалил, задыхаясь, что-де вон там, наверху, сидит Иной и наблюдает за ними!

– Без тебя знаю! – оборвал его капитан. Но тут же взял себя в руки и пояснил обычным своим спокойно-насмешливым тоном: – Знаю, Ганкис. Скажу тебе больше: и ему известно, что мы знаем, что он за нами следит. А посему советую тебе просто не обращать на него внимания, как, кстати, делаю я. Обшаривай себе спокойно свою часть берега. Кстати, нашел ты еще что-нибудь стоящее?

– Ну... есть пара вещиц... – без большой радости проговорил Ганкис. Кеннит молча выпрямился во весь рост. Старый моряк порылся в объемистых карманах выдавшей виды куртки. – Вот, например... – И неохотно вытащил не пойми что, составленное из ярко раскрашенных деревяшек. Палочки, реечки и диски, некоторые – осветленные.

Кеннит так и не понял, что бы это могло быть.

– Детская игрушка, – рассудил он наконец. Поднял бровь и стал ждать, что Ганкис покажет ему что-то еще.

– И вот... – Узловатая рука моряка извлекла из кармана... розовый бутон.

Кеннит взял его осторожно, опасаясь шипов. Довольно долго бутон казался ему настоящим – пока он не обнаружил, что черешок очень тверд и не гнется. Кеннит покачал цветок на руке – примерно столько весила бы и настоящая роза. Он повертел бутон так и этак, пытаясь

сообразить, из чего тот сделан, но только пришел к выводу, что ни разу еще не встречался с таким материалом. Однако самым удивительным было благоухание, исходившее от цветка: теплое, пряное – именно так пахнет роза, расцветшая в летнем саду. Кеннит прицепил бутон к отвороту камзола (зазубренные шипы надежно ухватились за ткань) и покосился на Ганкиса: дескать, не возражаешь? Моряк поджал губы, но не отважился вымолвить хоть слово.

Кеннит поглядел на солнце, потом на морские волны, еще продолжавшие отступать. Для того чтобы вернуться на ту сторону острова, потребуется час с лишком. Не следовало бы особо задерживаться, а то как бы полный отлив не усадил «Мариетту» на камни...

Это был редкий и необычный для Кеннита миг нерешительности. Он ведь явился на берег Сокровищ не только за удивительными находками; всего более интересовало его предсказание, которое мог сделать Иной. Он был уверен, что Иной не откажет ему в пророчестве. И еще ему нужен был кто-то, кто позже подтвердил бы слова Иного. Для того он и притащил сюда Ганкиса. Ганкис у него на корабле был едва ли не единственным, кто, повествуя о своих приключениях, не приукрашивал и не привирал. Ганкису поверят не только члены команды, но и любой пират, встреченный на улицах Делипая (пиратское гнездо называлось так потому, что там обыкновенно делили добычу и каждый получал свой пай). А кроме того... Если предсказание, сделанное в присутствии Ганкиса, Кенниту не понравится, Ганкиса нетрудно будет заставить умолкнуть навеки.

Свидетель, удобный со всех сторон.

Кеннит еще раз прикинул, как обстоит дело со временем. Благоразумие советовало прекратить поиски прямо сейчас, поторопиться на встречу с Иным – и во весь дух назад к кораблю. Увы, благоразумным редко фартит, а Кеннит давным-давно решил для себя, что у подобного рода людей их удачливость, словно неиспользуемая мышца, только ослабевает, вместо того чтобы расти. Это было его личное открытие, его тайное верование, и он вовсе не рвался кого-либо к нему приобщать. По крайней мере, до сих пор все громкие деяния капитана были круто замешены на его удачливости и на привычке уповать на нее. Кеннит даже полагал, что, сделайся он в один прекрасный день осмотрительным да благоразумным, госпожа удача

смертельно оскорбилась бы и перестала одаривать его своими милостями. Размышляя об этом, Кеннит всякий раз самодовольно хихикал: вот он, тот единственный риск, на который он никогда не пойдет! Не станет полагаться на неизменно вывозивший его авось, проверяя, оставит его удача или не оставит!

Нравились ему такие вот логические завороты. Доставляли удовольствие... Он продолжал двигаться прогулочным шагом вдоль кромки воды. Приблизившись наконец к зубастым утесам, замыкавшим полумесяц песчаного берега, Кеннит ощутил присутствие Иного уже всеми чувственными и даже более тонкими фибрами своего существа. Запах Иного показался было ему заманчиво-сладким, но потом ветер переменялся – и накатила волна тошнотворного зловония, как если бы на берегу что-то протухло. Вонь была такой плотной, что застревала в гортани, спирая дыхание и вызывая дурной вкус во рту. Запах можно было еще вытерпеть, но близость Иного он ощущал буквально всей кожей. От нее закладывало уши, она давила на веки и чувствительную кожу шеи. Кеннит вроде бы и не потел, но все лицо почему-то вдруг сделалось сальным – как если бы ветер перенес кожные выделения Иного и втер ему в плоть. Кеннит яростно подавил позыв к рвоте. Ну уж нет! Никакой слабости он перед ними не обнаружит!

Выпрямившись, он расправил плечи и незаметно одернул жилет. Ветер шевелил перья на его шляпе и развевал блестяще-черные локоны капитана. Без утайки скажем – было на что посмотреть. Кеннит сам знал это и всю пользовался тем впечатлением, которое производил и на мужчин, и на женщин. Он был рослым, хорошо сложенным, мускулистым. И камзол его скроен был так, чтобы подчеркнуть ширину плеч и плоский живот. Да и лицо не подкачало. Высокий лоб, крепкий подбородок, прямой нос и тонкие губы. Борода капитана была, согласно моде, остроконечной, кончики усов тщательно укреплены воском. Не нравились Кенниту только глаза. Ими его наградила мать – бледно-голубыми, водянистыми. Оттого всякий раз, когда он смотрел в зеркало, ему казалось, будто он встретился с нею взглядом и она вот-вот заплачет, огорченная делами своего беспутного сына. Дурацкие, в общем, глаза. Не таким бы глядеть с его загорелой физиономии. У кого другого они сошли бы за вопрошающе-мягкие, но ему даже думать об этом было противно. Он

долго пытался выработать этакий «льдисто-голубой» взгляд, но особого успеха пока не достиг: проклятые глаза были слишком бледны даже для того, чтобы изображать лед.

Усилие, потребовавшееся для обуздания слабости, даже заставило его слегка скривить губы, но все же он выпрямился и наконец посмотрел на Иного.

Тот ждал. И ему, кажется, было наплевать, кто перед ним. И глаза их находились примерно на одном уровне, потому что они были почти одного роста. Пират испытал странное облегчение оттого, что легенды оказались настолько правдивы. Эти перепончатые пальцы на руках и ногах... рыбы зенки в хрящеватых глазницах... плотная чешуйчатая кожа на теле. То бишь все в точности так, как Кеннит и ожидал. Тупорылая, лишенная волос голова не принадлежала ни человеку, ни рыбе. Угол челюсти располагался ниже ушных отверстий, так что пасть запросто могла вместить голову человека. За тонкими губами угадывались ряды мелких острых зубов. Плечи сутулились, обвисая вперед, но осанка существа говорила отнюдь не о вялости, скорее наоборот – о животной силе. Иной был облачен в одеяние вроде плаща, бледно-лазурное и сотканное столь искусно, что отдельные нити были немногим заметней прожилок на цветочном лепестке. Плащ облегал тело Иного, словно стекающая вода... Да! Все именно так, как Кенниту доводилось читать. За исключением одного.

Для капитана полной неожиданностью явилась его приязнь к этому созданию. Зловоние? Должно быть, мерзость, которую он только что ощущал, порывом ветра донесло совсем с другой стороны. Запах Иного был запахом сада в цвету, его дыхание отдавало букетом дорогого вина, а в непостижимых глазах таилась бездонная мудрость. Кенниту захотелось понравиться дивному существу. Заслужить его одобрение. Чем? А хотя бы своим великодушием и умом. Ах, как хотелось бы, чтобы Иной стал думать о нем хоть чуточку лучше...

За спиной капитана глухо прощуршали по песку шаги подошедшего Ганкиса. Чужой чуть отвлекся, взгляд рыбьих глаз, неподвижно созерцавших Кеннита, на мгновение скользнул прочь... и этого мига хватило, чтобы наваждение растаяло. Поняв, что произошло, Кеннит едва не подпрыгнул. Потом скрестил на груди руки, дабы сработавшая из диводрева личина как можно плотнее вжалась в его плоть. Оживший или еще не оживший, но амулетик,

похоже, все-таки сработал. Не дал колдовству чужака совсем уж опутать сознание. Ладно! Теперь, когда он сообразил, что на уме у Иного, тот нипочем волю Кеннита не согнет.

И вот их взгляды снова скрестились, но пирату более ничто не мешало видеть истинное обличье Иного. Это было холодное чешуйчатое порождение морской бездны. И оно, кажется, смекнуло, что Кеннит сумел одолеть навеянный им морок. Во всяком случае, когда оно набрало воздуха в особые мешки позади челюстей и заговорило, как бы отрывая слова, пирату послышался в его голосе некий оттенок сарказма.

– Добро пожаловать, путешественник. Ты искал, и я вижу, что море щедро вознаградило тебя. Желает ли ты сделать добровольное приношение и выслушать прорицателя, который объяснит смысл найденного тобой?

Так могли бы разговаривать скрипучие несмазанные ворота. Кеннит про себя оценил то усилие, которое, должно быть, потребовалось этому существу для овладения столь мало подходящей для него человеческой речью, и испытал невольное восхищение. Однако другая, более жесткая и заскорузлая часть его существа тотчас отмела это восхищение, ибо на самом деле необыкновенное достижение Иного было, конечно, простым актом услужливости. Даже раболепия. Вот оно стоит перед ним, это создание, во всех отношениях чуждое человечеству. Стоит, между прочим, на своей собственной территории. И тем не менее прислуживает ему, Кенниту. Говорит, как умеет, на его языке. Просит подачку в обмен на свое предсказание.

Возникает только вопрос: коли все так, коли оно действительно признает его своим господином, откуда в нечеловеческом голосе эта беспокоящая нотка насмешки?

Эта мысль была лишней, и Кеннит досадливо отбросил ее. Взявшись за кошелек, он вытащил две золотые монеты – освященное обычаем «добровольное приношение». Что бы он там ни плел только что простодушному Ганкису – на самом деле Кеннит произвел определенные изыскания, выясняя, какого именно приношения будет ждать от него Иной. Госпожа удача не любит, когда ее застигают врасплох. Ей нужно, чтобы все было как следует приготовлено.

Так что капитан был готов. Он глазом не моргнул, когда, вместо того чтобы протянуть руку-лапу, существо высунуло длинный

сероватый язык. Кеннит, не дрогнув, опустил на него свои монеты. Язык мгновенно втянулся назад в пасть. Проглотило оно золото или сотворило с ним еще что-нибудь – сказать было невозможно. Так или иначе, приняв подношение, Иной отвесил Кенниту короткий деревянный поклон – и разгладил перед собой полукруг песка, приглашая пирата разложить найденное на берегу.

Он проделал это без спешки и суеты. Первым лег на песок стеклянный шар с движущимися фигурками внутри. Подле него Кеннит положил розу, а вокруг нее, в аккуратном порядке, – двенадцать накладных ногтей. Рядом устроил сундучок с крохотными чашечками. Высыпал в ямку горсть хрустальных шариков, попавшихся ему уже в самом конце. А вот и самая последняя находка – медное птичье перышко, весившее, кажется, немногим более настоящего.

И Кеннит с легким кивком отступил прочь. Все, дескать. Закончил.

Ганкис виновато посмотрел на своего капитана и застенчиво пристроил с краешка оставшуюся у него непонятную раскрашенную игрушку. Потом тоже отступил прочь.

Довольно долго Иной молча рассматривал предъявленные ему сокровища. Наконец его непривычно плоские зенки обратились вверх и встретились с голубыми глазами Кеннита. Он сказал:

– Это все, что тебе удалось найти?

Он явно намекал, что у Кеннита могло быть еще кое-что припрятано. Но капитан лишь неопределенно и молча пожал плечами и мотнул головой: то ли да, то ли нет, понимай как знаешь. Ганкис беспокойно переминался у него за спиной.

Иной шумно втянул воздух в свои речевые мешки.

– То, что выносят на здешний берег океанские волны, не предназначено быть добычей людей, – проскрежетал его голос. – Если пучина извергает что-либо, то лишь потому, что на то случилась ее воля. Не дерзай же противиться воле пучины, ибо так не поступает ни одно осененное разумом существо. Никому из людей не позволено уносить с собой то, что он может найти на берегу Сокровищ!

Кеннит спокойно поинтересовался:

– Ты хочешь сказать, что все здешние находки – собственность Иных?

Как ни различались их расы, он явственно видел, что сильно смутил своего собеседника. Тому понадобилось время, чтобы собраться с мыслями. Потом он ответил очень серьезно:

– То, что пучина выбрасывает на берег Сокровищ, не перестает ей принадлежать. Мы здесь всего лишь наблюдатели.

Тонкие губы Кеннита сделались еще тоньше, растянувшись в улыбке:

– В таком случае это вообще не твоё дело. Я – капитан Кеннит, и, верно, я не буду единственным, кто в разговоре с тобой назовет себя хозяином моря. Потому что мы бороздим океан, где хотим, а значит, всё, что принадлежит океану, принадлежит также и нам. Ты своё золото получил? Вот и давай прорицай. А о чужом имуществе задумывайся поменьше.

Было отчетливо слышно, как ахнул перепуганный Ганкис. Иной, напротив, никак не отреагировал на слова капитана. Лишь в глубокой задумчивости нагнул голову, а за ней и все лишённое шеи тело – ни дать ни взять глубоко склонился перед Кеннитом, как бы вынужденно признавая его превосходство. Когда же Иной выпрямился вновь, его рыбий взгляд уперся прямо в душу Кенниту, словно указательный палец, твердо прижавший карту.

– Простое толкование. Настолько простое, что иные и из вашего племени сумели бы его сделать! – Голос существа стал ниже, точно шел откуда-то из недр его тела, а не из мешков под ушами. – Ты берешь чужое, капитан Кеннит, и называешь его своим. И сколько бы ни попало тебе в руки, ты никогда не ведаешь удовлетворения. Те, кто следует за тобой, довольствуются лишь тем, что ты бросаешь, сочтя ни к чему не годными безделушками... или игрушками. Себе же ты берешь то, что сочтешь наиболее ценным. – Тут Иной покосился на Ганкиса, потрясенно таращившего глаза. – Такое понимание ценностей и обманывает, и грабит вас обоих.

Но Кеннит пришел сюда не затем, чтобы выслушивать наравоучения.

– Своим золотом я оплатил право задать один вопрос, так? – перебил он предсказателя.

Челюсть Иного резко отвисла. Но не от изумления, скорее с угрозой. Многочисленные ряды зубов в ней и правда оказались весьма

впечатляющими. Пасть захлопнулась, словно капкан. Холодные губы чуть шевельнулись, выплевывая ответ:

– Спраш-ш-ш-ивай ж-же...

И Кеннит спросил:

– Преуспею ли я в том, к чему ныне стремлюсь?

Воздушные мешки Иного пульсировали как бы в задумчивости.

– Не желаешь ли выразиться определенной?

Кеннит терпеливо проговорил:

– А разве знамения, явленные тебе, требуют уточнений?

Иной вновь уставился на предметы, разложенные перед ним на песке. Роза. Чашечки. Перламутровые ноготки. Плясуны в шаре. Перышко. Хрустальные шарики...

– Ты преуспеешь в том, чего жаждет твое сердце, – прозвучал краткий ответ. По лицу Кеннита начала было расплзаться улыбка, но голос Иного, ставший откровенно зловещим, так и заморозил ее. – Ты исполнишь то, что всего более возжелаешь исполнить. То деяние... тот подвиг, коему посвящены твои грезы, ты воплотишь своими руками...

– Довольно, – проворчал Кеннит.

Внезапное нетерпение охватило его, и он раздраженно отринул мысль о том, чтобы испросить право лицезреть их Богиню. И слушать предсказателя дальше у него никакого желания уже не было. Он нагнулся собрать с песка разложенные сокровища, но Иной быстрым движением растопырил над ними перепончатые лапы. Пальцы оканчивались когтями, и на каждом острие выступила зеленоватая капелька яда.

– Находки, – проскрипел Иной, – как им и положено, останутся на берегу. Я прослежу за тем, чтобы они были должным образом размещены.

– Премного благодарен. – Голос Кеннита так и дышал искренностью.

Капитан начал медленно выпрямляться. Но стоило Иному чуть-чуть потерять бдительность, как пират мгновенно шагнул вперед и наступил сапогом на стеклянный шар, приютивший ярмарочных акробатов. Тот лопнул, прозвенев, словно колокольчик на ветру. Ганкис вскрикнул так, словно Кеннит заколол его первенца. Отшатнулся даже Иной, пораженный столь преднамеренным разрушением красоты.